на языке страны, в которой жил, доктор гражданского права Оксфордского университета, весьма мало знавший о праве, философ, чья домашняя жизнь была трагической ошибкой, поклонник Свободы, бывший рабом своего окружения и своей жены. Человек, рассуждавший умно и действовавший глупо или не действовавший вовсе. Человек, насчитывающий среди своих ближайших друзей многих величайших государственных деятелей Англии и Америки, знакомый, вероятно, с большим количеством интеллектуалов континентальной Европы, чем любой англичанин — его современник, и который мог предложить всем только свое широкое гостеприимство, личное обаяние и гений дружбы».[49] К этим словам его биографа остается добавить, что последние тридцать лет своей жизни он был тесно связан с русской общиной в Лондоне, благодаря тому что исповедовал православие и был задушевным другом Самборского, его преемника Якова Смирнова, а с 1785 г.— и русского посла в Англии графа Семена Романовича Воронцова, который искренне оплакивал его смерть в 1796 г.[50] Парадиз был тем человеком, через которого русские знакомились с выдающимися фигурами лондонского общества. Опять-таки можно только предполагать, с кем из них он мог познакомить Петрова, но и дружбы с одним Парадизом, о котором мы знаем, было достаточно для Петрова, чтобы изучить английскую политическую и культурную обстановку во всех подробностях.

Уже говорилось о том, как русские и советские ученые оценивали влияние английской литературы на Петрова. По мнению Шляпкина, влияние это было сильным, по мнению Гуковского — незначительным. Любовь Петрова к Мильтону очевидно доказывается его переводом «Потерянного рая», и критики справедливо соотносят послания Петрова, в частности к Силову, с творчеством Александра Попа или, как предпочитает считать Бараг,— с сенсуалистскими теориями Локка. Однако Гуковскому вряд ли следовало подкреплять свое суждение об А. Попе характеристикой его как «устаревшего для 1770-х годов поэта английского классицизма». Традиция Попа и правоучительных еженедельников, связанных с именем любимого Силовым Аддисона, была сильна в Англии на всем протяжении столетия, несмотря на неизбежные новые веяния; в работах Ю. Д. Левина показано, как велик был интерес к литературе английского классицизма в России этого времени.[51]

---

[49] Shepperson A. B. John Paradise and Lucy Ludwell of London and Williamsburg. Richmond, Virginia, 1942, p. 5.

[50] См.: Struve G. John Paradise — Friend of Doctor Johnson, American Citizen and Russian «Agent». — The Virginia Magazine of History and Biography, 1949, vol. LVII, № 4, p. 355—375.

[51] Левин Ю. Д. 1) Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Л., 1967, с. 3—109; 2) Английская поэзия и литература русского сентиментализма.— В кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970, с. 195—297.